

Миниатюры, отрывки, да просто разминка пера

За 2011 год

Жизнь

Знаете, как кошки любят сидеть на окне? Они часами смотрят на жизнь за окнами, на людей, бессмысленно снующих по улице, на проносящиеся машины, птиц, собак, других кошек. Да мало ли еще на что. Этот кошачий телевизор, пожалуй, интересней обычного, ведь жизнь он показывает такую, какая есть, а не придуманную режиссерами и не жившими вовсе.

Пасмурно

С утра пасмурный ненастный день. Холодно на улице, холодно в квартире. От низко идущих свинцовых туч и сам воздух кажется уныло-серым. Серо и на душе. Лишь темно-зеленая сочная трава и кроны деревьев радуют взгляд за окном. Еще месяц полтора и природа тоже погрузится в серый унылый раствор. Осень на носу.

Рубль

Вспомнил, как в детстве нашел рубль. Шел по улице Жданова, теперь она называется Михайловская и нашел. Рубль лежал около большой лужи. Еще чуть-чуть и мы бы разминулись. Это было богатство. Десять копеек – билет в кино, пятнадцать копеек – мороженое, как распределить подарок судьбы между этими удовольствиями? Я начал с кино, сдачу спрятал в выкопанной ямке во дворе. Затем каждый день брал оттуда немного и тратил. Но деньги быстро кончились.

Тбилиси

Шел по проспекту Руставели. Широкая изогнутая улица, от нее маленькие улочки уходили вверх в гору. Свернешь на них, и, кажется, попал в мир сказки. Маленькие дворики, двухэтажные дома с верандами. А дорога, вымощенная булыжником, все вверх, вверх и где то уже маячит какая-то старинная башенка. Словно спускаешься в глубину веков, где за облаками скачут храбрые джигиты, защищая красавиц от злых абреков. Лишь машины, расставленные тут и там, напоминают о времени. Идти становится тяжело, и я сбегая вниз на проспект Руставели, где снуют автомобили, бегут люди и блестят витрины магазинов.

Возле общаги

Жил какое-то время на васьильевском¹ на Первой линии². Буквально в двух шагах от общежития была пирожковая, где можно было всегда перехватить пару пирожков с бульоном. Еще ближе к среднему³ была рюмочная, где обитатели общаги по утрам поправляли здоровье. Спустя тридцать лет я вновь иду по Первой линии. Нет ни рюмочной, ни пирожковой. Вместо них кафе с вежливым восточным персоналом, а вместо общежития какой-то учебный центр. Но ведь те же дома, та же улица и я еще жив и храню память о том, что было когда-то.

Кладбище

Был дождь и грязь прилипала к обуви. Я бродил по кладбищу. Кресты, звезды, полуразрушенные памятники и мраморные монументы – везде в земле лежали те, кто когда-то был людьми. Плохо различимые фотографии и надписи, оградки и просто холмики – думал ли кто-нибудь из них, где будет он лежать? Наверное, думал, и не только об этом. А сколько событий, лиц, переживаний содержала их память. И все ушло в землю безвозвратно. Можно только догадываться какими были эти люди. Совсем промокший, грязный и просветленный я выбрался на ровную дорогу.

Дождь

С утра идет дождь, стучит в окно. Мокрая раскисшая земля, пузырящиеся лужи. В такие минуты с души уходит ощущение сегодняшнего дня, заботы как будто улечувиваются, словно где-то внутри приоткрывается окошко в вечность. Наверное, такой дождь вызывал в Пушкине творческие порывы. Возможно, болдинская осень была особенно дождливой. Я закрываю окно, иду на кухню, нужно завтракать и идти на работу.

Старик

Очень худой, болезненного вида старик вел на поводке маленькую собачку. Собачка как собачка, беспородная с умными глазами-бусинками. Старик завернул к киоску и купил сосиску. Присев на скамейку он принялся давать собачке кусочки сосиски. Собачка не торопясь ела сосиску и поглядывала по сторонам. Сосиска быстро кончилась, и старик продолжил свой неторопливый путь. Дойдя до угла, старик повернул направо. Мне нужно было в противо-

¹ Васильевский остров в Санкт-Петербурге.

² Улица (точнее одна ее сторона) на Васильевском острове.

³ Средний проспект на васьильевском острове.

положную сторону. На углу я посмотрел вслед старику, потом перешел улицу спеша по своим делам. Больше я не встречал худого старика.

Фотография

На старой фотографии человек восемь. Вглядываюсь в лица. С трудом узнаю нескольких человек. Годы берут свое. А это кто? Присматриваюсь. Да, я его помню. Он жил в соседнем подъезде. Работал в институте не долго. Потом уехал в Москву. Увлекался музыкой, хорошо играл на гитаре. В Москве стал композитором. Позднее несколько раз я слушал его по радио. Единственный эпизод, который я запомнил с этим человеком. Он выходит из подъезда, а навстречу ему высокий военный. Они здороваются, обмениваются несколькими фразами и все.

Ресторан

Тихая музыка долетала с противоположного конца зала. Танцевало несколько пар. Полумрак, сигаретный дым и выпитый алкоголь превращали окружающих людей в сказочных романтических персонажей. Играла музыка, шуршали платья, вдалеке у стойки маячили фигуры двух мужчин. Меня уносило куда-то далеко, может быть в сказку, может быть в детство, может быть в какую-то далекую страну. Сладостное ощущение чего-то несбывшегося, что обязательно сбудется, может быть не сегодня вечером, но через несколько дней или недель обязательно. Расплывались лица танцующих и сидящих за столиками, вот оно счастье.

Прошлое

Сколько в жизни я встречал людей: мои соседи по двору, одноклассники, учителя, друзья, однокурсники, преподаватели, сослуживцы. А еще случайные знакомые в поездах, самолетах, автобусах и пеших путешествиях. С одними я был знаком долгое время, других видел мельком. Кого-то недолюбливал, а кому-то симпатизировал. И вот все они выстроились передо мной в шеренгу, и нету среди них уже любимых и не любимых – все они мое прошлое. Это прошлое мое и никто уже не может его отнять у меня. И так хочется иногда увидеть случайного попутчика, с которым проговорил часа два, проезжая казахскую границу в двадцатых числах июля 1980 года.

Поезда

В 80-х я часто ездил в поездах. Мне нравилось встречаться с разными людьми. Сколько я историй услышал и

сколько я узнал о нашей истории. Никакие книги в то время, да и сейчас не могут дать такой информации. Чеченцы, крымские татары, корейцы, немцы – именно в поездах я встретил людей этих национальностей, именно там я узнал их удивительные и трагические истории. Странно было слышать это все в то время. Именно в поездах я узнал многое о раскулачивании. Я слушал, впитывая судьбы, стараясь запомнить рассказы. Много позабылось теперь. Помнятся только какие-то отрывки. Где сейчас эти люди? Вряд ли я узнаю, хоть одного из них, но отпечатки их судеб остались в моей памяти.

Речка

Речка, какая она казалась большая в детстве. И страшная, пока я не научился плавать. Особенно мне нравилось переплывать протоки с течением. Мне представлялось, что я в дождь и бурю пересекаю какую-то бурную горную речку, борюсь с течением, убегая от разбойников, а на том берегу меня ждут удивительные приключения. Помню, как пошли с ребятами на рыбалку. Переплыть надо было не большой проток. А Вовка, мой друг, боялся плыть, все кричал плаксивым голосом: "Куда вы, куда вы, а я!". Нет уже Вовки, ушел. А я все живу, и все плыву, загребая к тому счастливому, сказочному берегу.

Вечер

Теплые летние вечера. Мне лет шесть. Вместе с соседскими ребятами и девочками, которые уже учатся в школе, я сижу на скамейке в садике. Кругом темно, хоть глаз выколи. Взрослые ребята рассказывают страшные истории про "синюю руку и желтое пятно". Мне страшно и интересно. Домой идти не хочется, дома скучно и заставят ложиться спать. Ах, хоть бы еще часок посидеть так в садике, слушать разговоры, песни, которые поет под гитару Пашка. Но появляется мама и уводит меня домой. Даже рядом с мамой мне страшно, особенно когда заходим в темный подъезд. Хочется бегом миновать темное пространство и очутиться дома. Открываются двери, яркий сноп света разрезает темноту, распугивая ночные кошмары. Сейчас я поью чай с сухарями, мое любимое в детстве кушанье и лягу спать, ожидая, когда же снова наступит завтрашний вечер.

Я знаю

Я знаю, что он вернется. Я это точно знаю. Я жду, когда он снова придет, посмотрит на меня карими глазами, мне станет тепло и уютно. Я жду этого момента, чтобы за-

быть, что было раньше, чтобы забыть, что он уходил, чтобы забыть, как плохо без него. Я смотрю в окно сквозь потемневшее от туч и от моей печали пространство, и мне хочется плакать. Может быть, сегодня я увижу его, сегодня вечером. Я буду ждать до ночи. А если он не придет, перед сном я буду думать о нем, о том, что будет завтра. Завтра все повторится. Но я знаю, что когда-нибудь дождусь его, я знаю...

На том берегу

Противоположный берег реки, у которой мы проводили почти все лето, казался далекой и таинственной землей. Весь заросший кустарником, он вызывал у меня любопытство и страх. На том берегу, обязательно, должны проживать какие-то сказочные и таинственные существа. Днем они прячутся в глубине чащи и только ночью выползают из своих нор, чтобы повеселиться на полянах. В своих детских фантазиях я представлял себя одним из этих фантастических обитателей. Плавая на лодке, с которой мы с ребятами ныряли в речную глубину, я нет-нет да поглядывал на этот заросший берег. Мне казалось, что сквозь густую листву смотрят на меня блестящие бусинки глаз. ... Прошло много лет. Я шел по мосту и от нечего делать поглядывал на речку и на заросший правый берег. Смеркалось. На берегу горел костер, и пьяная компания весело поготала под звуки какой-то залихватский песни.

Таланты

Что значит «зарыть свой талант»? Пренебречь теми способностями, которые даны тебе от рождения? Или же не найти свое предназначение в жизни? Наверное, и то и другое. Но мы все зарываем свои таланты, ибо с годами теряем былой задор, бескомпромиссность, энергию, способность идти вопреки общепринятому мнению. И вот в зрелые годы начинаешь понимать, что как бы тебе не хотелось, а талант твой зарыт уже наполовину, а может быть уже и на три четверти. И отрыть его, вернуть себе бывшее уже нет никакой возможности. Остается только одно, попытаться использовать то, что осталось с максимальной отдачей.

Дом

Я помню этот дом. Одноэтажный, кирпичный с толстыми потемневшими стенами. На улицу выходило только одно окно, на котором, как мне казалось всегда, были белые кружевные занавески. Окно от тротуара отделял маленький палисадник. Летом там цвели какие-то простые и яркие цветы.

Дом не был маленьким, а далеко уходил вглубь квартала. Я не знал, кто там жил, но иногда видел: то человеческая фигурка мелькнет в окне, то кошка выглянет из-за занавесок. Вечером окна были освещены и, значит, кто-то смотрел телевизор, читал, шил, готовился ко сну. Я ходил мимо дома в школу, в кино, в баню и так просто гулял в теплые летние деньки. Дом был построен еще в 19-м веке. Сейчас в нем магазин. И по-прежнему стоит он, своими толстыми стенами глубоко уйдя в землю, неся на себе груз времен. Он простоит еще сто лет, а мы..

Дуб

Этот дубок буду помнить до конца своих дней. Человек, который посадил и ухаживал за ним, уехал из дома. Дубок начал хиреть. словно видя его слабость, жители двора ополчились на него. То бельевую веревку к нему привяжут, то мыльную воду после стирки выплеснуть прямо к его корням. Но он все стоял, все крепился и каждую весну зеленел частью своих веток. Он словно израненный, но не побежденный боец, один среди врагов и равнодушных стоял и стоял... Так и умер стоя. А теперь нет уже двора, и людей, живших тогда во дворе, почти никого не осталось в живых.

Я закончил...

Я закончил писать рассказ. Прочел несколько раз, кажется, получилось хорошо. Какое облегчение. Только сейчас я понимаю, что все время, пока я писал, а потом перечитывал и правил текст, я находился в сильном напряжении. Я снова и снова переживал происходящее в произведении, вслушивался в написанное, стараясь понять, не звучит ли фальшивая нота, нота, пришедшая из глубин памяти, хранящей множество шаблонов – «образцов для подражания». Кажется, теперь я спокоен, я написал то, что хотел. Как легко и спокойно мне стало. Ну, что же, завтра можно начинать писать снова.

Разговор

– Так это случилось? Когда?

– Вот здесь. Прямо на этой кровати. Мы сидели в ресторане. Немного выпили. Потом долго гуляли по уснувшему городу. Он читал стихи, рассказывал разные истории, говорил о работе, своих увлечениях, любимых книгах и фильмах.

– А ты?

- Я говорила о своем. Тоже о книгах, фильмах, своей семье, детстве. Мы подошли к моему дому. Я долго не решилась пригласить его. Но потом все случилось как-то само собой. Мы пили чай. Потом зашли в комнату. Вот здесь все и произошло. Он повалил меня на кровать. Мы даже не раздевались.

- Ты довольна? Он теперь твой.

- Не знаю. Мне кажется, он слишком любит себя.

Погост

Кресты, кресты, кресты. На новом кладбище не найдешь памятников с красными звездами. Время жизни: 1948-2008, 1991-2010 и т.д. Каждому отмерян свой срок. Теперь лишь могилки, да память тех, кто помнит их еще. Но всему приходит конец: память затухает, могилы осыпаются и рушатся, оставляя лишь не большой бугорок на земле, который через какое-то время перестанет напоминать о когда-то живущем человеке. Возможно, остаются еще какие-то следы - может быть, человек написал книгу или хотя-бы статью в газете и какой-нибудь историк, изучающий те времена и, просматривая подшивки давних газет, наткнется на статью некого Сидорова Ивана. А пока еще свежа память, и родственники поминают каждый год, и могилка как новенькая, и сам Сидоров смотрит на нас и чуть улыбается, словно говорит: «Такова жизнь».

Пирогов В.Ю. (с)

Шадринск, 2011

<http://asm.shadrinsk.net>